

Swietłana Waulina

Функциональная специфика лексических эксплификаторов модального значения возможности в языке начального периода формирования русской нации

Acta Polono-Ruthenica 6, 445-453

2001

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

Swietłana Waulina
(Rosja, Kaliningrad)

Функциональная специфика лексических экспликаторов модального значения возможности в языке начального периода формирования русской нации

По мере исследования феномена модальности при всей неоднозначности предлагаемых относительно него гипотез и выводов постепенно устанавливается круг вопросов если не исчерпанных вполне, то, по крайней мере, не вызывающих значительных разногласий при их обсуждении. Так, признавая за модальностью статус семантической категории и рассматривая ее как определенное единство языковых значений, к последним неизменно относят значение возможности, которое находится в функциональной соотнесенности и семантической оппозиции к другим, не всегда столь же бесспорно выделяемым субкатегориям онтологического (пропозиционального) модального уровня (см., например, 1;2;6;10;13 и др.).

Модальность возможности, находясь под достаточно пристальным вниманием лингвистов как фрагмент современной языковой картины, представляет несомненный интерес и с точки зрения своего исторического функционирования, каждый из этапов которого значим в воссоздании целостного эволюционирующего облика этой важнейшей категории, выражающей в языковых знаках одно из существенных объективных свойств объективной действительности.

Применительно к древнерусскому языку и русскому языку донационального периода указанная категория получила освещение в отдельных диссертационных и монографических исследованиях (см., например, 2; 6; 7). В данной же статье предметом рассмотрения являются лексические модификаторы возможности в русском языке начального периода становления его новой, национальной формы (вторая половина XVII – начало XVIII вв.), функциональные характеристики которых обнаруживают неравномерность их положения в полевой структуре

модальности возможности, образуемой комплексом разноуровневых языковых средств, интегрированных на семантической основе.¹

Семантической доминантой поля возможности в исследуемый период является глагол *мочи*, сохраняющий за собой такую квалификацию на протяжении всего многовекового развития данной категории благодаря своей специализированности: исконной ориентации только на эту функциональную сферу, в которой он охватывает спектр образующих ее содержательную основу семантических модификаций, рассредоточенных по двум ее смысловым областям – возможности объективной (внешней) и возможности субъективной (внутренней), характеризующих описываемые наличествующие (или отсутствующие) благоприятные для развития потенциальной ситуации условия с точки зрения их связи с объективным миром или с субъектом предметной ситуации. Ср.: в слободе де у них за огородами объявилась жонка бита только говорит, а встать *не может* (МДБП, с. 284); ...зело, зело дивлюсь, что малого дела бездельного *не можете* сделать (ПБП, III, с. 423); Но ради противных ветровъ *не могли* далее ехать (там же, II, с. 220); В Коллегиях же президентъ *не может* без соизволения товарищей своих ничего учинит (Зак. акт., с. 66).

Вокруг *мочи*, образуя ядро поля и его ближайшее окружение, группируются, располагаясь в направлении от ядра в порядке убывающей частотности и степени специализированности, лексемы одного словообразовательного гнезда – предикативы (*не*) *возможно*, *мочно* (*мощна*, *мошно*, *можно*), глаголы *возмочи*, *смочи*, существительные *мочь*, *возможность*, *полномочие*, прилагательное *возможный* (*возможен*), предложно-падежный оборот *в состоянии*, глагольно-именное сочетание *иметь силы*, практически лексикализованный, превратившийся в результате почти полного исчезновения из употребления своего коррелята *льзе* в самостоятельное слово с отрицательным значением – предикатив *нельзя* (*нельзе*), а также характеризующиеся узкой модальной специализированностью глаголы *умети*, *недоумети*, *смети* (*посмети*), *дерзати* (*дерзнути*). Грамматическая природа родственных глаголу *мочи* предикативов, внося в семантическую структуру их значений признак „состояние” и лишая их способности устанавливать прямую грамматическую связь с действующим субъектом, обусловила приспособленность данных предикативов к реализации прежде всего

¹ О критериях основного полевого членения „центр – периферия”, см.: (3, с. 204–223; 4, с. 39–42).

модальных значений объективной возможности, хотя при соответствующей контекстной поддержке они могут актуализировать и характеризующее, субъектное значение. Конкретная расстановка сил в группе указанных предикативов такова: наиболее частотный из них предикатив *невозможно* количественно почти равен суммарным употреблением бесприставочных предикативов; среди последних достаточно регулярно функционирует стилистически нейтральный предикатив *мочно*, близок ему по этим обоим показателям *можно*, более редки *мошно* и *мочно*, причем употребление предикатива в старославянской огласовке отмечается преимущественно в контекстах, тяготеющих к книжному языку; употребления *возможно* немногочисленны, причем основная их часть приходится на придаточные предложения, близкие по содержанию современному выражению „если можно”, сопровождающему просьбу и смягчающему ее, однако в отличие от него такие придаточные включают также дательный косвенного субъекта, обозначающий адресат просьбы. Известные языку с самых истоков древнерусской письменности, когда их употребление еще не затрагивало деловых памятников (см. 9, с. 266), эти предикативы отмечаются во всех типах текстов, эксплицируя модальную семантику объективной возможности в ее полном объеме. Ср.: ...и мне была уведомица об ономъ *не можно* понеже мы Питербурхе не были (ИРНРЯ, с. 41); ...и кроме того места везде ночью итить *мочно* (ПБП, II, с. 83); ...аще бы не божиим повелением, како бы было *мошно* тебе, великому князю, к нынешней нищете приехати и пояти мя за себя (Пов. о мон., с. 121); А тапереча при себе зделат *не мошно* потому что уже у брата мельница не мелеть (Гр-ки, с. 87); И буде тебе без указу великого госдря и без бурмистрова ведома взять у него *не возможно* (ИРНРЯ, с. 130); Одну часть нашей сильной кавалерии...возможно тогда въ подъезде употреблять (ПБП, II, с. 150). Характер модального функционирования предикатива *нельзя* мало чем отличается от функционирования предикативных модификаторов значения объективной невозможности выполнения действия с корнем *-моч-*, за исключением явного количественного преимущества данной лексемы перед отрицательными вариантами *мочно* и его фонетических разновидностей.

Заложенный в корне *-моч-* модальный заряд определяет и характер функционирования других из перечисленных ранее обладавших данным зарядом лексем, что является достаточно сильным аргументом в пользу отнесения их к ближайшему окружению структуры ядра поля возможности, несмотря на невысокую функциональную нагрузку

большинства модификаторов. Обуславливающие ее причины в каждом отдельном случае индивидуальны. Например, самые универсальные из модификаторов глаголы *возможи* (он еще и самый частотный в этой группе), *смочи* реализуют свой модальный потенциал, будучи связанными своей видовой принадлежностью, позволяющей им образовывать лишь формы прошедшего и будущего времени, репрезентирующие ситуации реализованной (с отрицанием – нереализованной) возможности или ожидаемой ее реализованности. Кроме того, *возможи*, сохраняя традиции книжного употребления, функционирует главным образом в текстах, отмеченных высокой тематической и, следовательно, соответствующей стилистической окрашенностью (хотя в пору „стилевого брожения” эти традиции соблюдаются не всегда последовательно), *смочи* же, по-видимому, завоевывает репутацию стилистически немаркированной лексемы. Ср.: *Невозмогл аз на сие вяще смотрети* (Арт. действ., с. 123); ...оной такъ разволочень будетъ и всю свою силу для *осмотрения* ...войскъ проживъ насъ употреблять *не возможетъ* (ПБП, III, с. 510); а сколько *смогу* (работать – С. В.), то бѣ видит тебе работаю (Гр-ки, с. 135). Существительное же *мочь*, дополнительно дифференцируя значения объективной и субъективной возможности, эксплицирует первое преимущественно в отрицательном варианте – формами родительного /винительного падежа с предлогом *в* (частные значения „не под силу”, „не в состоянии”). Узуальное употребление сочетания *полная мочь* дало сложное существительное *полномочие*², реализующее в составе глагольно-именного оборота значение деонтической возможности, расшифровывающейся как право на что-либо, полученное субъектом от другого лица. Ср.: Но выше нареченной вашего салтанова величества посолье не токмо въ какие разговоры...вступать ниже видетися похотел и объявляя ...что никакого полномочия не имеетъ (говорить и видетися – С. В.) (Гр-ки, с. 198). Преимущественная сфера функционирования – деловой и, в частности, дипломатический язык – придает лексеме терминологический характер, что соответствующим образом сказывается на ее частотности.

Внутрикатегориальная модальная специфика глаголов *умети*, *недоумети*, *смети* (*посмети*), *держати* (*держнути*) детерминирована изначальной антропоцентричностью семантики их корней: лексемы

² В. В. Виноградов видел причиной возникновения этого и родственных ему сложных слов влияние польского и латинского языков и относил этот процесс к первой трети XVIII века (8, с. 506–509).

эксплицируют значения субъективной возможности, интерпретируемые как способность, талант, умения, навык субъекта или его психические качества (смелость, дерзость), позволяющие ему осуществлять/осуществить действие.³ Ср.: ...и онъ бояся отъ нихъ смертного убийства въ дома ихъ приходить не смеетъ (Акт. Ист., IV, с. 437); Обнадежась, гедрь сватушко на твое приятство *дерзнул* к тебе отписат (Гр-ки, с. 154); А аще бы все умели целью стрелять, то и на худой конец ста два-три убили бы (Кн. о скуд., с. 141); глупы наши святые были и грамоте не умели...(Соч. Авв., с. 341); Что се ест аз недоумею скажат (Влад., с. 174). Конкретность вещественного содержания этих глаголов значительно ограничивает их модальное функционирование по сравнению с *мочи*, имеющим максимально приближенную к инвариантному категориальному концепту возможности семантическую структуру значения с подвижным семным конкретизатором „внешний/внутренний”, однако высокая степень специализированности, первичность их модальной функции удерживает лексемы в границах переходной от центра к периферии зоны ФСП возможности. Более удалены от центра несобственно модальные модификаторы, в вариативности которых выявляются самые разнообразные аспекты модальной ситуации возможности. Так, лексика, ориентированная на выражение внутреннего мира человека, реализует значение субъективной возможности, представляя его:

– глаголами *терпети*, *вытерпети*, *пере(пре)терпети*, выражающими физические и/или психические силы субъекта, благодаря которым он может выполнить действие, перенося при этом страдания, неприятности и т.д. Зачастую эти глаголы употребляются без инфинитива, репрезентируя модальную ситуацию недискретно или в сочетании с объектным существительным, называющим причиняющее такие страдания действие. Ср.: *Нетерплю*, чадо, бездушных вас видети... (Соч.

³ Относительно *смети* и *дерзнути* следует отметить, что в определенной синтагматической среде (см. 5, с. 49) пресуппозиционный компонент „наличие права (разрешения) на выполнение действия“ преобразуется семантически, и в глаголах актуализируется значение „иметь право“; правда, в соответствии с общей тенденцией к реализации преимущественно отрицательных вариантов значений деонтической возможности оно также отрицательно. Ср.: и мы с ним воеводою зделоватца бес хозяйского ведома *не смели* (Гр-ки, с. 251); Чтоб ниhto *не дерзал* о той материи и выписыват, докладывает, что уже в регламентах есть под смертью (Зак. акт., с. 104).

Авв., с. 361); а *правежу не претерпели* стояли две недели на правеже (там же, с.372); Я то могу уразуметь, что и *дву запалов не вытерпят*, но все остальные будут смекать, как бы головы унести (Кн. о скуд., с. 13).

– глаголом *стыдиться (стыдетися)*, предикативами *стыдно, срамно*, существительным *стыдъ*, эксплицирующими определенное нравственное переживание субъекта, испытываемое им в связи с предстоящим совершением действия, которое не согласуется с общепринятыми этическими нормами или его собственными о них представлениями, что и затрудняет выполнение действия. Ср.: Работать я господине мои, не умею, а милостыни просить один *стыжусь* (Пов. об Агг., с. 281); Молодец был в то время и мал, и глуп...своему отцу *стыдно* покориться и матери поклониться (Горе-Зл., с. 105); Стало *срамно* молодцу появиться к своему отцу и матери (там же, с. 107); ...и по его прошению отец или мать ведая дочь свою что ее предъ людьми показати *не в стыд*, укажут тому жениху (о России, с. 126);

– глаголами *бояться (устрашиться)*, кратким прилагательным *опасень*, эксплицирующими психическое переживание субъекта, вызванное какой-либо грозящей ему опасностью, в силу чего он не решается, не осмеливается совершить действие. Ср.: На Кауру за сенамъ поехать *боимся* потама, что вести приходят недобрыя (ИРНРЯ, с. 244); Аз...православия же крепце держашееся не точию имения не пожалех но и на страдание о имени господне *не устрашихся* дерзнути (Пов. о бояр., с. 151); а изволилъ ты гсдръ к нам писат чтоб в хлебе не расписыватца и мы бес тово велми *опасны* (расписываться – С. В.), потому что Сергушку Чюбарова и такъ безвинно хочет оскорбить...(Гр-ки, с. 258);

– глаголом *знати*, прилагательными *горазд, искусен, доволен*, эксплицирующими способность, умение выполнить действие, в том числе благодаря имеющимся у субъекта знаниям. Ср.: и какъ управить скаску дать в головахъ и в дворахъ, а без мести твоей управить *не знагмъ* (Гр-ки, с. 259); изъ присланныхъ Агличан пяти человекъ двое зело добры, и мастера ихъ хвалять, а пъротчихъ говорить отпустить, потому что *не знаютъ*, кроме простова плотничества...(ПБП, III, с. 283); а тому де ножному пению у него снъ ее выучилъ и петь *горазд* (МДБП, с. 288); он...в книжном учении и в разумении не весма *доволни* (Кн. о скуд., с. 15); ...какого он роду, что зело *искусен* церковному пению...? (Сказ. о куп., с. 387). К этой же группе лексики могут быть отнесены краткие прилагательные *готоввъ, добръ, (не)способень, годень*, глагол *поспети* выражение в дело (*не*) *идет (дается, годится)*, характеризующие не

только лицо, но и предмет со стороны определенных утилитарных качеств и свойств, позволяющих другому лицу их использовать, употреблять как средство, орудие, материал при выполнении какого-либо действия, что может имплицировать в данных модификаторах модальный оттенок „нужен, необходим, надобен”.

Конституенты периферийной зоны, эксплицирующие значения объективной возможности, также весьма разнообразны в интерпретации ее семантических вариантов. В большинстве своем они противопоставлены по характеру отношения к социальным нормам обуславливающего возможность действия объективного фактора. Одни из них: существительные *время, способ*, предикативы *(не)достаточно, легко, трудно, удобно*, отрицательные наречия и местоимения *негде, нечем* и под. репрезентируют ситуацию (не)возможности, обусловленной:

– наличием/отсутствием свободного времени, места, способа, средства и т.д. для совершения действия, т.е. обстоятельствами, не соприкасающимися с деонтической сферой. Ср.: ...никто из вельмож ни малейшей причины, *ни способа не имеет* даже последнему в том королевстве учинить какова озлобления или нанести обиду (ПБП, II, с. 310); ... но ныне вижду несте къ сему (доношению) *время* (там же, с. 353); Эстли Галанскимъ плотникамъ *досузь* (сделать – С. В.) вели зделать два или три галиота (там же, с. 3); ...а в обидах их суда на них сыскать *тегде...*(Кн. о скуд., с. 126);

– случайным стечением обстоятельств, неким объективным положением дел. Ср.: а *не лучилос* ево видет (Гр-ки, с. 233); Аз убо особаго дому не имею, но где *прилучитя* (ночевать – С. В.) там и ночую (Пов. о Груд., с. 89); я государь зело о том сумневаюсь, что притить водяными и сухим путем *трудно* (Реформы, с. 224).

Другие конституенты (существительные *власть, грехь*, предикативы *постыдно, (без)грешно* и др.) описывают ситуацию с точки зрения соответствия/несоответствия требованиям действующих юридических и нравственных законов. Ср.: однакож ему *власть не иметь* ничего и: доходов его величества определять (Реформы, с. 162).

Помимо перечисленных, выделяется еще ряд лексем (глагол *имети*, предикативы *вольно, повольно, свободно*, прилагательные *волен, свободен*, существительные *воля, свобода, повольность* и некоторые другие), модальная семантика которых хотя и предусматривает экспликацию обоих частных значений объективной возможности, фактически обнаруживает приверженность лишь одному из них – значению „(не) иметь право”, реализуемому преимущественно в текстах деловых документов.

Сопоставление периферийных лексических модификаторов с центральными отражает постепенное уменьшение в них „удельного веса” модального компонента по мере удаления их от центра, что ведет к все большей зыбкости, размытости специфической модальной „почвы” периферийной зоны поля возможности, а в целом свидетельствует о ее достаточно сложной полевой организации, что весьма отчетливо проявилось в русском языке исследуемого исторического периода.

Список сокращений

Акт. ист., IV – *Акты исторические, собранные и изданные археологической комиссией*, т. 4, СПб. 1842.

Арт. действ. – *Артаксерксово действо. Первая пьеса русского театра XVII в.*, Москва-Ленинград 1957.

Владимир – *Владимир. Трагикомедия*, [в:] Ф. Прокопович, *Сочинения*, Москва-Ленинград 1961.

Горе-Зл. – *Повесть о Горе-Злочастии*, [в:] *Русская повесть XVII в.*, Москва 1954.

Гр-ки – *Грамотки XVII – начала XVIII в.*, Москва 1969.

Зак. акт. – *Законодательные акты Петра I*, Москва-Ленинград 1945.

ИРНРЯ – С. И. Котков, Н. П. Панкратова, *Источники по истории русского народно-разговорного языка XVII – начала XVIII в.*, Москва 1964.

Кн. о скуд. – И. Т. Посошков, *Книга о скудости и богатстве*, Москва 1951.

МДБП – *Московская деловая и бытовая письменность XVII в.*, Москва 1968.

О России – Г. Котошихин, *О России в царствование Алексея Михайловича*, СПб. 1840.

ПБП – *Письма и бумаги императора Петра Великого*, т. 2, СПб. 1889; т. 3, СПб. 1893.

Пов. о бояр. – *Повесть о боярыне Морозовой*, Ленинград 1979.

Пов. о мон. – *Повесть о Тверском отрочем монастыре*, [в:] *Русская повесть XVII в.*, Москва 1954.

Пов. об Агг. – *Повесть о царе Агге*, [в:] *Русская бытовая повесть XV–XVII вв.*, Москва 1954.

Сказ. о куп. – *Сказание о богатом купце*, [в:] *Русская бытовая повесть XV–XVII вв.*, Москва 1991.

Соч. Авв. – *Сочинения Аввакума Петрова*, [в:] *Красноречие Древней Руси*, Москва 1989.

Литература

1. Беляева Е. И., *Функционально-семантическое поле модальности в английском и русском языках*, Воронеж 1985.
2. Бондаренко В. Н., *Виды модальных значений и их выражение в языке*, „Филологические науки”, 1979, № 2.
3. Бондарко А. В., *Теория морфологических категорий*, Ленинград 1976.
4. Бондарко А. В., *Структура поля темпоральности в русском языке*, [в:] *Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность*, Ленинград 1990.
5. Бондарко А. В., *Функциональная грамматика*, Ленинград 1984.
6. Ваулина С. С., *Эволюция средств выражения модальности в русском языке (XI–XVII вв.)*, Ленинград 1988.
7. Ваулина С. С., *Эволюция средств выражения модальности в русском языке (XI–XVII вв.): Автореф. дис. докт. филол. наук*, Ленинград 1991.
8. Виноградов В. В., *История слов*, Москва 1994.
9. *Историческая грамматика русского языка. Синтаксис. Простое предложение*, Москва 1978.
10. Небыкова С. И., *Модальность предложений с зависимым инфинитивом (значения возможности и необходимости)*, Москва 1981.
11. *Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность*, Ленинград 1990.
12. Черепанова О. А., *Лексико-грамматические средства выражения модальности в русском языке XI–XVII вв.: Автореф. дис. канд. филол. наук*, Ленинград 1965.
13. Шатуновский И. Б., *Семантика и нереперентные слова*, Москва 1996.